

В нашей традиционной рубрике «Литературная страница» мы продолжаем печатать книгу восьмидесятитрехлетней камчатской журналистки Екатерины Ивановны Дедык (до замужества Наривлич Ёкав Ивановна) «Жизнь прекрасна всегда (судьба чавчувенки)», которая погружает нас в мир малознакомый и притягательный одновременно. История малочисленных коренных народов Севера и Дальнего Востока просто и талантливо отражена в ее рассказах, читая которые хочется воскликнуть: «Неужели все это было, неужели это было совсем недавно?!»

(Начало в № 853 от 17.08.2016)

Редакционная коллегия газеты «Вести»

Автобиографическая справка (печатается с сокращением)

«Я родилась в 1932 году в тундре во время кочевки недалеко от села Воямполка. До замужества мое имя в паспорте было записано так: Наривлич Ёкав Ивановна. В школе как записали по фамилии отчима, так и осталось. По родному отцу я Чечулина, так что наполовину чавчувенка, напо-ловину нымыланка. Христианское имя мое – Кате-рина.

Восемь лет, с 1950 по 1958, я училась в Ленин-граде. Первые три года – на подготовительном от-делении. Это равносильно окончанию десятилетки. А затем пять лет вуза. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт име-ни А.И. Герцена, факультет русского языка и ли-тературы, получила специальность преподавателя родного (корякского) языка и литературы. Хоро-шую школу прошли мы в северной столице. Наши-ми преподавателями были известные североведы: Петр Яковлевич Скорик, Татьяна Александровна Молл, Лев Васильевич Беликов.

В 1958 году вернулись с подругой из Ленинграда в Палану, и началась новая жизнь. Подруга устроилась преподавать в школу. А я пошла работать на окружное радио и стала журналистом. Обзавелась семьей. Стала носить фамилию мужа – Дедык. Один за другим родились у нас четверо сыновей. Сейчас я бабушка семерых внуков. Уже есть внучка и правнучек...».

Детство

У каждого человека своя жизнь, свои воспоминания о прошлом. Они не всегда бывают радостными, порой очень грустными. Я расскажу о себе, об обыкновенной девочке, родившейся, как и многие мои сверстники, в кочевьях. Мне очень повезло, что я успела увидеть своих старших родственников, побыть с ними с малых лет, с самого моего рождения. Вероятно, по характеру я очень похожа на маму. Она была очень доброй, немного наивной, простой женщиной, рано овдовевшей: мне – 4, братику – 2 года. А я родилась при кочевке. Часто слышала о моем рождении.

Сейчас, уже немного в другой жизни, не могу не удивляться: как могла родиться прямо на свежесорванные, еще холодные ветки, только что разложенные в юрте. Лежу и трясусь, да еще тетя Накана, жена дяди Трифона, от волнения не могла перерезать пуповину. Но все обошлось. Меня быстро буквально засунули в новый меховой комбинезончик с макой. Мака – это клапан для мха, что-то типа современных памперсов. Все было заготовлено заранее. Мама – совсем девушка. Пока корямящей матерью стала тетя Накана. Она родила моего двоюродного брата Эвъяйле. Поэтому часто потом при встрече мне, уже матери, говорила:

– А ведь ты пососала у меня молочка.

Мы с ней начинали смеяться. Никаких болезней не боялись, даже простуды не было. Сейчас, не дай бог, зайти в роддом. А меня в комбинезончике положили в теплый полог, и я заснула. А на улице уже возились с оленьей жирной тушей, чтобы Марине-роженице побыстрее сварить наваристый кровяной суп. Это очень полезно для рожениц: для здоровья и обилия молока. Так я стала кочевать с родителями по тундре. Обычно при

переезде запрягали караван оленей с многочисленными нартами. Для молодой кормящей матери соорудили кибитку. И вот однажды, когда мы собирались в путь, я каким-то образом доползла до конца нарты. Эта картина запомнилась мне. А случилось вот что: когда олени потянули нарту, я сразу плюхнулась в снег. Как куколка, одетая в двойной меховой комбинезончик с широким поясом, сшитым из бисера, и в такой же разукрашенной шапочке.

Я лежу ничком, только чувствую холод на личике. А олень, наверно, с испугу начал задними ногами закапывать меня. Но вовремя увидели, посадили назад в нарту, как ни в чем не бывало, дочечку улыбающуюся. Наверно, мне понравилось такое событие. Уже много лет прошло после того случая. Как-то маме говорю:

– Мама, а помнишь, как я упала с нарты?

Она очень удивилась:

– И ты это помнишь?

С самого рождения начались испытания на выживание. Это было в Воямполке, когда вся родня собиралась у деда Альвача. Большой, просторный, чистый чум: вокруг много семейных пологов, а посередине – очаг. Как-то рано утром принесли много рыбы. Надо было быстро разделявать. Все женщины вышли, мама тоже. Она оставила меня в пологе одну. Я уже хорошо ползала. На мне был летний комбинезон из дымленины, ровдуги. Вероятно, я тихонько проснулась и поползла на свет, к еще не потухшему очагу. Если бы не дед, вошедший по делу, то неизвестно, чем бы все кончилось. Дед тогда рассказывал: «Вхожу, малышка у очага остановилась. Весь комбинезон скукожился от жары, но личико отвернула от огня и не плачет».

Быстро прибежали все женщины. Мама, напуганная увиденным, подумала, что все, конец. С меня сняли комбинезончик, надели другой, и тут началось такое: день и ночь я ревела. Мама не спала, только меня убаюкивала. Вся кожа обгорела. Лекарств не было. Мама про себя уже прощалась со мной, видя мои мучения. Но ангел-хранитель, наверно, уже тогда оберегал. Когда чуть подросла, могла к девочкам пойти поиграть, а там были и постарше. Однажды меня позвали за ягодами на другую сторону речушки. Через нее

был протянут мостик из веток. Все девочки дошли до другого берега, смотрят – а меня нет. Оказалось, я провалилась в дырку между редкими ветками, но успела зацепиться за поперечную перекладину. Так и висела, звала на помощь. Но никто не слышал. А тут дед, как всегда, пошел проверять ставную сеть, такую сеть называют мордой. Там скапливаются мелкие рыбки. Он потом вспоминал: «Слышу крик о помощи. Не могу понять, откуда раздается голосок. Глянул на мостик, а там двумя ручками крепко уцепилась за жердину девочка. Бегом к ней. Батюшки! Это же моя внучка!».

На закорках понес меня к берегу, а мне было так радостно, что дед нашел меня. Потом он тех девочек пожурил: «Так нельзя, надо смотреть за младшими». Другой раз пригласили меня снова за ягодой. Я боялась опять упасть, но все-таки переборола страх и пошла с ними. Они сели кушать и пригласили меня, а мне было очень стыдно, я стеснялась и весь день ничего не ела. Так целый день голодная пробежала. Мама потом объяснила, что если вместе ходите, надо вместе и обедать. А я просто ответила:

– Мне стыдно.

Еще один случай запомнился там же, в Воямполке. Как-то мы забрели в чистое поле и увидели белую лошадь. Лошадка белого цвета была хорошо видна на зелени. У нее был очень раздутый живот, она сильно стонала. Уже повзрослев, я спросила тех, кто видел тогда эту лошадь. Мне сказали, что ее застрелили. Я долгое время помнила эту лошадь. Женщины сказали, что ее застрелили, чтобы не мучилась. Теперь думаю, наверное, не могла разродиться.

В 1936 году папа внезапно умер в местечке Какыртон. Это летник. Там стояли палатки, среди них и наша. Однажды, зайдя в палатку, увидела отца лежащего, покрытого с ног до головы. Коряки всегда закрывают лицо умершего. А я бегаю, мне 4 годика, спокойно подхожу и открываю лицо, а у него под носом кровь осталась уже запекшаяся. Посмотрю и снова закрою, и бегу к братику, ему 2 года. Теперь я думаю, наверно, у папы было давление. Откуда тогда было знать кочевникам? У них просто объясняли – голова болит.

Где я видела, как хоронили мертвых? Но я, видимо, где-то насмотрелась и решила братика сжечь. Палатки стояли на горе, внизу река и очень красивые деревья, камни, камни. Мама попросила поглядеть за братом. Вот я – нянька. Собрала сухие ветки, очень аккуратно сложила и на них уложила брата. Осталось только поджечь. Потом

мама рассказывала:

– Думаю, что за тишина?

Глянула под гору, а мы там. Я уже собралась повторить виденное на похоронах. Мама ахнула и скорей побежала к нам, начала отнимать, а брат как лежал, так и не спешил вставать. Вот потому малым детям лучше не видеть многое из взрослой жизни.

Мама – молодая вдова с двумя детками. В Верхней Кочевой Палане быстро узнали об этом и послали гонца-жениха. Мы были еще малы, никак не могли противостоять. Бабушка думала, наверно, лучше будет, все-таки мужчина в доме. Вот опять на оленьей упряжке. Очень хорошо помню остановку на ночлег в Кахтане. Это сейчас на машине летом каждый может доехать. А тогда это было что-то особенное. Небольшое село со своим сельским советом, школой и культурными заведениями.

Это родина писателя Льва Жукова. Село это, как и другие, давно закрыто. Тогда я впервые услышала слово «Кахтана». Мне было очень жарко в меховом комбинезоне. И вот стойбище Верхняя Палана. Этот мужчина запомнился очень злым человеком.

Как напьется, начинает устраивать драку. Бабушка зимой выводит нас на улицу и маму тоже. Но вскоре исчез из памяти образ этого жениха.

Мы всегда жили в женском обществе. Мама попыталась еще раз устроить свою судьбу. Ее увез в табун престарелый старик-эвен. Так мы его не любили. Очень большой лентяй. Братишка Ваня уже подрос. Он, как настоящий мужичок, открыто возмущался, хотя по возрасту он родного папу не мог помнить. Маму на некоторое время старик увез в табун. А мы втроем остались: я, бабушка и братишка. Бабушка нас воспитывала очень просто. Мы были всегда на природе, где мы только не носились. Наша маленькая меховая палатка напоминала нам Воямполку. Там остался мой маленький дружок. Наверно, он был сиротой, потому что неухоженный, очень бедно одет. Яркое воспоминание осталось
о

нем. Обычно рано утром он приходил и садился на завалинку. Бабушка мне:

– Ава, иди, вон твой жених пришел.

Я беру что-нибудь поесть. Он был такого же возраста, как и я, но очень грустный. Я его очень жалела. Бывало, сядет, поест, голову положит на мои коленки, и я начинаю в его голове рыться. Мне нравилось чесать его голову. Он ко мне так привык, приходил как к сестренке. Потом он исчез.

Мы всегда жили очень бедно. Одну зиму прожили в матерчатом шалаше с камином. Тогда в шалаше бабушка чуть не умерла. Видимо, у нее были камни в мочевом пузыре. Как она страдала, а помочь некому. Она никогда одетая не спала. Всегда догола раздевалась. Шкура – одеяло, шкура – постель, и под голову что-нибудь. За дровами запрягались. Бабушка – ведущая, а мы с братом – лжепомощники. Больше катались, чем помогали: на полозья встанем и катимся. Зато с горки нам было вдвоем очень весело.

Однажды братишку оставили караулить шалаш. Приходим: тряпка-покрытие валяется, скудные запасы разбросаны – все собаки съели. Сторож наш весь продрог. К нему зашли собаки. Он очень любил собак. Часами мог на коленях лежать вместе со щенками и любоваться еще слепыми щенятами.

Наконец, нам дали домик – «курятник». Точнее не скажешь: печка – развалюха, единственная мебель – стол и кушетка, подаренная маме ее приятельницей. Мы уже школьники. Никогда не забуду, как занимались в подготовительном классе. Учительница стала записывать, кто есть кто. Дошла очередь и до меня:

– Кто ты?

Не знаю, как ответить.

Кто-то воскликнул:

– Да это Наривлич.

Так приклеилась чужая фамилия. Тетя Коян, старшая сестра отца, говорила потом:

– Мы Чечулины, с Караги, запомни.

Наконец, поселили в деревянный дом. Четыре угла – четыре семьи. Это был для нас рай. Хоть есть пол, окна, двери. У каждого по углам свои пожитки.

В одном углу поселилась тетя Лектын. Когда-то она очень хотела забрать меня к себе, удочерить. У них не было детей. Я все слышала, как мама говорила ей:

– Знаешь, приезжай на будущий год, пусть подрастет.

Мама ее просто жалела. Иногда думаю, а что если бы тогда увезла меня тетя Лектын, как сложилась бы моя жизнь? Не знаю. У тети оказались облигации. А это было военное время.

Я говорю:

– Тетя, а может, проверим в сберкассе?

Она сразу согласилась, я побежала проверять. И какая радость! Какие-то деньги полагались за них. Придя домой, сразу подошла к тете, отдала деньги,

но какую-то купюру оставила. Маме потихоньку показала, а она мне, как ни в чем не бывало, просто сказала:

– Иди, отдай тете. Если надо, она тебе сама даст.

Как мне стало стыдно! Я не знала, как мне быть. Но все же себя переборола и подошла к тете, протянула купюру.

А она мне:

– Ава, а это ты себе оставь.

До сих пор при одном воспоминании об этом случае мне становится очень стыдно. А ведь прошло уже столько времени, почти семьдесят лет. Как же я могла так поступить? Очень удивляюсь маминой мудрости. Так что этот выигрыш оставил большую горчинку в моих воспоминаниях.

Наши родители, хоть и безграмотные, были хорошими воспитателями, очень тактичными людьми. В детстве редкими были подарки, но если когда-то мне что-то дарили, до сих пор помню тех людей. Как-то тетя Маланья зашла к нам в юрту навестить. Она ездила в Палану. Я только что проснулась и вышла из полога. В яранге стоял такой запах душистого чая! На низеньком столике разложены понемногу юолка, мясо и все к чаю. Маленький чайник-заварник издавал приятный свистящий звук разливаемой заварки. На столе стояли чашки.

Коряки очень любят посуду, платки, бусы, красивый материал на платье.

Можете себе представить: маленькая девочка, косматенькая, полуголая, пухленькая

вышла встречать тетю Маланью. У них не было детей. Она подозвала меня к себе и из-за пазухи вынула пакет, а в нем лежало что-то белоснежное, очень тонкой материи, обшитое тонким кружевом. Это были детские панталоны. Наверно, маленькие дворянки такие носили.

– Вот, Ава, носи мой подарок!

Куда делись потом эти панталоны? Мне просто смешно вспоминать: грязной девочке – такие вещи!

Потом подарила другую вещь:

– Марина, вот тебе кастрюля, она с крышкой.

А это был горшок. Конечно, все стали рассматривать чудную кастрюлю.

Во время войны в Палане открылась пошивочная мастерская. Там, кроме одежды, стали шить куклы и другие мягкие игрушки. Однажды я зашла в магазин и увидела родную тетю с сестрой. Они покупали маленькую хрюшу, розовенькую, с юбочкой. Я стояла у дверей, и мне тоже так хотелось эту хрюшу. Вдруг тетя подозвала меня к себе и просто сказала:

– На тебе тоже игрушку.

Я не помню, как дошла до дома. От радости бежала скорей похвастаться дома этой игрушкой. Это был праздник!

Сегодня, оглядываясь на прошлое, думаю, как далеко мы ушли от той жизни.

Все-таки детство было для нас радостным, хотя младший брат и командовал мной. Он хотел, чтобы я только с ним играла. Очень часто дрались. Победителем всегда оставался он. Бабушка предупреждала нас такими словами:

– Ребятки, внучики, запомните мои слова. Это не к добру. Вы сейчас вместе, но наступит время, вы расстанетесь надолго.

Она как в воду глядела. Когда учились, в разлуке прожили 8 лет. Мы почти одновременно приехали домой. Это было в 1958 году. Сколько было радости! А мама сначала даже не вышла меня встречать. Думала, что сон. Вхожу, а она сидит и шьет, как будто меня нет. Бабушка меня не дождалась всего один год. Сколько ночей мы с мамой проводили, беседуя, все говорили, говорили...

А потом началась другая пора жизни.